

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ

ПО ПОВОДУ ОДНОГО МЕСТА ИЗ КОНСТАНТИНА
БАГРЯНОРОДНОГО.

В произведении Константина Багрянородного "Об управлении империей" имеется одно место, неизменно привлекающее внимание исследователей ранней истории Руси. Это неудивительно, так как на одном отрывке базируется целая концепция социальных отношений Руси эпохи образования Киевского государства, связанная с пресловутым „полюдьем“ для сбора дани, якобы практиковавшимся киевскими князьями в X в.

Константин Багрянородный писал: „Ἦνίκα ὁ Νοέμβριος μῆν εἰσέλθῃ, εὐθέως οἱ αὐτῶν ἐξέρχονται ἄρχοντες μετὰ πάντων τῶν Ῥῶς ἀπὸ τὸν Κίαβον, καὶ ἀπέρχονται εἰς τὰ πολύδια ὃ λέγεται γύρα, ἤγουν εἰς τὰς Σκλαβηνίας τῶν τε Βερβιάνων καὶ τῶν Δρουγουβιτῶν καὶ Κριβιτζῶν καὶ τῶν Σεβερίων καὶ λοιπῶν Σκλάβων, οἵτινές εἰσιν πακτιῶται τῶν Ῥῶς. Δι' ὅλου δὲ τοῦ χειμῶνος ἐκεῖσε διατρεφόμενοι, πάλιν ἀπὸ μηνὸς Ἀπριλίου, διαλυομένου τοῦ πάγου τοῦ Δανάπρωος ποταμοῦ, κατέρχονται πρὸς τὸν Κίαβον¹.

Сложность толкования (и перевода) этого отрывка заключается в понимании слов *πολύδια* и *γύρα*, которые в том виде, в каком они стоят у Константина Багрянородного, неизвестны в греческом лексиконе. Перевод данного отрывка звучит следующим образом:

„Когда наступит ноябрь месяц, князья их тотчас выходят со всей Русью из Киева и отъезжают в *πολύδια*, которые называются *γύρα*, а именно: в земли славян вервианов, другувитов, кривичей, северян и остальных славян, платящих дань Руси. Там они кормятся всю зиму, а в апреле, когда река Днепр очищается ото льда, возвращаются в Киев“.

Первоначальное толкование слова *πολύδια* ассоциировалось с греческими словами *πόλις*, *πολεῖδιον*, *πολύδρια* и т. д. — „город“, „городки“, „города“, что нашло свое отражение в латинском переводе текста Константина Багрянородного, где это слово было переведено словом *oppida*. В таком значении это слово вошло и в известный глоссарий Дюканжа².

Именно таким образом читали текст и наиболее ранние исследователи русской истории — А. Л. Шлецер³, Н. М. Карамзин⁴ и др. Но

¹ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, ed. Gy. Moravcsik. Budapest, 1947, cap. 9. 105—109. Вместо ὃ (1.107) мы читаем: ἃ.

² Ducange. Glossarium ad Scriptores mediae et infinae graecitatis, vol. I. Lugduni, 1688, s. v.

³ А. Л. Шлецер. Нестор. Пер. Языкова, ч. 1. СПб., 1807, стр. 174.

⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. СПб., 1892, прим. к стр. 92; стр. 104—105.

уже С. М. Соловьев⁵ и К. Бестужев-Рюмин⁶ увязали это слово с древнерусским словом „полюдь“, полагая, что Константин Багрянородный попросту дал греческую транскрипцию древнерусского слова. Это предположение, решительно поддержанное Н. А. Лавровским⁷, получило широчайшее распространение в русской литературе, в результате чего почти все историки России в общих курсах давали описание полюдья по Константину Багрянородному.

Однако эта гипотеза не решила окончательно вопроса, обсуждение которого продолжали после этого многие авторы, склонявшиеся более к признанию значения *πολύδια* в смысле „городки“ (А. М. Селищев⁸, Л. Нидерле⁹ и др.).

Любопытную, своего рода компромиссную позицию в этом вопросе, занимал В. О. Ключевский. Он также полагал, что слово *πολύδια* означает „городки“, но поставлено в текст под влиянием древнерусского слова „полюдь“, которое якобы было осмыслено Константином Багрянородным по-своему, исходя из лексикона греческого языка,¹⁰ — догадка столь же остроумная, сколь и произвольная, ибо в этом случае требуется еще доказать, что слово „полюдь“ было известно в Византии в середине X в.

Еще большие трудности вызывает толкование слова *γύρα*. Первоначально его считали именем собственным — наименованием того города или тех городов, в которых русские князья уезжали на зиму¹¹, хотя уже Татищев, например, считал его испорченным русским словом „вира“¹².

Н. М. Карамзин сравнивал это слово с осетинским словом, обозначающим округ или область¹³. Сходным образом определял это слово и П. Шафарик, считавший его сарматским по происхождению и обозначающим „страну“, „землю“¹⁴. В Энциклопедическом словаре Плюшара слово *γύρα* возводилось к скандинавскому слову *huga*, обозначающему наем, наемные деньги, оброк.

В середине прошлого века специальную статью, посвященную этому слову, опубликовал К. А. Неволин¹⁵. В отличие от своих предшественников, он рассматривал его как греческое слово, обозначавшее „круговой объезд“. Известен лишь единственный случай употребления данного слова в Эклоге VIII в.¹⁶: „*μελεόμεν μηδένα τῶν ἀρῶντων ἐξεῖναι χεῖρς ἀναγκάιας, χρεῖας ἀποδημῖας ποιεῖσθαι ἢ τὰς λεγομένας γύρας*“.¹⁷

Толкование, предложенное К. А. Неволным, оказало большое влияние на последующих исследователей. За него ухватились сторон-

⁵ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Изд. „Общественная польза“, СПб., 6. г., 1, стр. 215—216.

⁶ К. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. 1. СПб., 1872, стр. 109.

⁷ Н. А. Лавровский. Замечание о гире Константина Багрянородного. ЖМНП, 1873, март, стр. 113—121.

⁸ А. М. Селищев. Рец. на книгу Н. Дурново. ИОРЯС, 1927, т. XXXII, стр. 312.

⁹ L. Niederle. *Tà γύρα u Konstatina Porphyrogeneta*. „Slavia“, VII, IV, 1928, str. 977—980.

¹⁰ В. О. Ключевский. Курс русской истории, т. I. М. — Пгр., 1923, стр. 184.

¹¹ А. Л. Шлецер. Ук. соч., ч. 1, стр. 194.

¹² В. Н. Татищев. История Российская, т. 1. М., 1768—1769, стр. 223, прим. 57.

¹³ Н. М. Карамзин. Ук. соч., т. 1, стр. 92.

¹⁴ П. Шафарик. Славянские древности, т. I, кн. II. М., 1848, стр. 145.

¹⁵ К. А. Неволин. О значении слова „гира“ у Константина Багрянородного. Полн. собр. соч., т. VI. СПб., 1859, стр. 519—529.

¹⁶ *Ecloga*, VII, 8.

¹⁷ „Поведеваем, чтобы никто из начальников не смел без крайней нужды производить отлучки или так называемые *γύρας*“.

ники толкования πολύδια , как „полюдьа“ (сам Неволин, правда, считал πολύδια греческим словом „города“) ¹⁸. В частности, особенно настаивал на принятии предложенного Невוליным толкования Н. А. Лавровский в специальной статье, опубликованной в 1873 г. ¹⁹ Он впервые объединил толкование πολύδια — „полюдьа“ и γύρα — „круговой объезд“, отождествив оба понятия друг с другом. Хотя эта статья Н. А. Лавровского и рассматривалась его приверженцами как окончательное решение вопроса ²⁰, однако многие исследователи не согласились с нею, не считая возможным признать γύρα греческим словом.

Так, С. Введенский вернулся к малоправдоподобному отождествлению этого слова со скандинавским термином *huga*, *goga* и т. д., означающим наем, подать, податные деньги ²¹. П. Юрченко выводил это слово от славянского слова „гура“ — „шатер“ ²². Сходным образом пытался осмыслить непонятный термин и О. М. Бодянский, связывавший его со словом „куры“, „курени“ и т. д. ²³

Особого внимания заслуживает гипотеза Л. Нидерле, который, принимая толкование πολύδια как *oppida*, „города“, в слове γύρα видел обозначение древнеславянских городищ ²⁴.

Думается, при исследовании данного места следует учитывать две стороны дела: филологическую (исследование текста как такового, с точки зрения значения слов, конструкции фразы и т. д.) и историческую (вопрос о том историческом явлении, которое имел в виду Константин Багрянородный).

Филологическое исследование представляет собою чрезвычайную трудность в связи с недостаточной ясностью текста и необычностью терминологии.

Неудивительно, что на протяжении полутора столетий, несмотря на большое число специальных работ, посвященных этой проблеме, она так и остается до сих пор не решенной окончательно.

Конструкция фразы позволяет считать, что в данном тексте одно слово дополняется другим и что оба они означают примерно одно и то же, но поскольку одно из них казалось автору текста непонятным для читателя, он счел полезным дать соответствующие разъяснения. Коль скоро речь идет о руссах, есть все основания предположить, что необычное, требующее дополнительных пояснений слово является русским. Вопрос сводится лишь к тому, какое именно: одни исследователи склонны считать, что таким словом является πολύδια , другие же — что γύρα .

Как же аргументируются оба мнения?

Толкование πολύδια как греческой транскрипции древнерусского слова „полюдьа“ основано исключительно на звуковом совпадении. С другой стороны, гипотеза о значении этого слова в смысле „городки“ исходит из того, что слово πολύδια принадлежит к тому же гнезду, что и слово πόλις (город). В этом случае вопрос заключается не

¹⁸ В 1931 г. к этому сюжету возвратился Н. Попов в статье „Спорное место в Сар. IX De admin. imp. Константина Багрянородного“ (BS, t. III, 1931, str. 92—96), не содержащей, впрочем, в сравнении со статьей К. А. Невוליной какой-либо новой аргументации и представляющей собою ее пересказ.

¹⁹ Н. А. Лавровский. Ук. соч., стр. 113—121.

²⁰ Д. И. Иловайский. История России, ч. I. М., 1876, стр. 293—294.

²¹ С. Н. Введенский. О значении слова γύρα у Константина Багрянородного. „Изв. общества археол., истории и этногр. Казанского университета“, т. XXII, вып. 3. Казань, 1906, стр. 149—163.

²² П. Юрченко. Опыт объяснения слов γύρα и πολύδια . „Чтения ОИДР“, 1877, кн. 2, стр. 1—14.

²³ О. М. Бодянский. Примеч. к указ. статье П. Юрченко „Чтения ОИДР“, 1877, кн. 2.

²⁴ L. Niederle. Op. cit., str. 979—980.

в значении корня, а в приведенной Константином Багрянородным форме. Эта форма действительно уникальная, что, впрочем, не имеет принципиального значения, ибо греческий язык знает слово *πολειδίων* (мн.ж. — *πολείδια*), являющееся уменьшительным от *πόλις* и означающее, следовательно, „городок“²⁵. Кроме того, слово *πολύδια* многими исследователями сравнивается со словом *πολύδρια*, означающим примерно то же самое (т. е. городки). Таким образом, с точки зрения фонетики обе гипотезы имеют равные основания и право на существование. С точки зрения грамматики чтение *πολύδια* — „города“, „городки“ является более предпочтительным хотя бы потому, что это слово в тексте стоит во множественном числе (ед. — *πολύδιον*). Что же касается стилистики, то отождествление его с древнерусским словом „полюдь“ определенно встречает серьезные трудности в отношении и смысла, и конструкции фразы, и терминологии.

Исследователи, высказывающиеся за отождествление *γύρα* с „полюдьем“, исходят из предположения, что Константин Багрянородный с помощью греческого слова *γύρα* („круговой объезд“), представляющего собою якобы технический термин, обозначающий объезд провинции чиновниками²⁶, хотел пояснить незнакомое читателю древнерусское слово „полюдь“. Однако, как показал Н. Попов, во всех случаях, когда Константин Багрянородный с помощью одного слова поясняет другое, он пользуется не выражением „*ἃ* (или *ὅ*) *λέγεται*“, а причастными формами (*λεγόμενον*, *καλούμενον* и т. д.); поэтому при таком понимании выбор выражения, реально стоящего в тексте, был бы необычным.

Добавим к этому, что выражение „*ἃ λέγεται*“ — „которые называются“ (так же, как и *λεγόμενα* — „так называемые“), естественно, прилагается не к тому слову, которое поясняет, а к тому, которое требует пояснения. Если согласиться, что Константин Багрянородный с помощью одного слова пояснял или уточнял значение другого, то употребленная им фраза требовала бы постановки общепринятого слова на первом месте, до слов „*ἃ λέγεται*“, а неизвестного и требующего пояснений — после этих слов²⁷.

Поскольку речь у Константина Багрянородного в данном месте идет о руссах, слово „называется“ естественнее всего относить именно к ним, т. е. *πολύδια* называется *γύρα* у руссов²⁸.

Приведенный обзор мнений, высказанных в литературе, так же как и отсутствие достаточно убедительной положительной аргументации в пользу существующих точек зрения, совершенно ясно показывает, что попытки разобраться в рассматриваемом тексте Константина Багрянородного путем лишь чисто филологического исследования, исходя только из самого текста, вряд ли могут быть успешными и что, следовательно, для решения поставленного вопроса требуются иные пути и привлечение каких-то других данных.

Подобные вопросы немислимо решать, отвлекаясь от сущности самого описываемого в источниках явления. И в нашем случае наибо-

²⁵ Это слово встречается, в частности, у Страбона — одного из источников Константина Багрянородного. Разница в написании заключается в замене *ει* на *υ*, но для среднегреческой орфографии это вполне закономерно.

²⁶ Насколько возможно считать это слово техническим термином, судить трудно, коль скоро в источниках оно встречается только один раз, да и то в сопровождении слова *λεγόμενας* — „так называемых“.

²⁷ В этом случае фраза должна бы звучать: „*καὶ ἀπερχονται εἰς τὰ γύρα, ἃ λέγεται πολυδια*“.

²⁸ Правда, К. А. Неволин, объяснявший слово *γύρα* из греческого, внес поправку к тексту: „... что называется (у нас, греков, особенным техническим словом) гира“ (ук. соч., стр. 528). Однако эта поправка сообщает фразе совершенно иной (можно сказать, противоположный) смысл.

лее простым способом решения загадки было бы выяснение вопроса о том, что именно описывал Константин Багрянородный. Но тем самым мы признаем, что рассматриваемое место в качестве источника, рисующего быт древних славян, явно непригодно; напротив, оно само для своего объяснения требует дополнительных данных. Между тем в историографии мы неизменно сталкиваемся с противоположной тенденцией: почти каждый из авторов, обращавшихся к данному месту „De adm. imp.“, использовал его в качестве источника по русской истории и никто не пытался использовать данные древнерусской истории для объяснения самого текста.

Если же обратиться к выяснению характера исторического явления, о котором идет речь у Константина Багрянородного, естественно встанет вопрос о полюдье как о ежегодных походах киевских князей за сбором дани.

Распространенные представления по этому вопросу, думается нам, имеют своими корнями не столько показания источников, сколько априори постулируемую „теорию“ о примитивности Древнерусского государства и о его создании пришельцами-варягами, установившими даннические отношения на Руси; эта теория оказывала длительное и упорное воздействие на умы русских историков, по существу, вплоть до самого недавнего времени.

Согласно этим представлениям, базирующимся именно на сочинении Константина Багрянородного, сбор дани на Руси осуществлялся самим князем, который осенью во главе своей дружины отправлялся в объезд подвластных земель, двигаясь от села к селу, собирая то, что причиталось с населения, и везя собранный продукт за собою. В таких поездках князь якобы проводил всю зиму, а весной возвращались в Киев с полученными в виде дани товарами, которые позже сбывались в Византию и другие страны. Это якобы и называлось полюдьем.

Так, В. О. Ключевский, который в данном случае следовал за своими предшественниками, писал: „Как только наступал месяц ноябрь, русские князья „со всей Русью“, т. е. с дружиной, выходили из Киева... в городки, т. е. на *полюдье* (курсив автора. — М. Б.)... Князья отправлялись в славянские земли древлян, дреговичей, кривичей, северян и прочих славян, плативших дань Руси, и кормились там в течение всей зимы, а в апреле месяце, когда проходил лед на Днепре, спускались опять к Киеву. Между тем как князья с Русью блуждали по подвластным землям, славяне, платившие дань Руси, в продолжение зимы рубили деревья, делали из них лодки-однодеревки и весной, когда вскрывались реки, Днепром и его притоками сплавливали их к Киеву, вытаскивали на берег и продавали Руси, когда она по полою воде возвращалась с полюдья. Оснастив и нагрузив купленные лодки, Русь в июне спускала их по Днепру к Витичеву, где поджидала несколько дней, пока по тому же Днепру собирались купеческие лодки из Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода. Потом все направлялись вниз по Днепру к морю, в Константинополь“²⁹.

В этом описании — картина неустроенной Руси, не знающей еще, по существу, никакой экономико-административной организации, в которой правящая (взимающая дань) верхушка совершенно оторвана от основной массы трудового населения и живет как бы в завоеванной, чужой для нее земле.

Конечно, если исходить из концепции родового быта, согласно которой на Руси до середины IX в. н. э. абсолютно господствовал родовой строй при полном отсутствии классов, эксплуатации, податей,

²⁹ В. О. Ключевский. Ук. соч., т. I, стр. 184.

налогов и т. п., а общественную верхушку Киевской Руси составляли норманны, утвердившиеся в результате завоевания, то подобного рода отношения — как отношения между завоевателями и завоеванными — могли бы иметь место. В таком случае можно было бы представить себе нечто вроде регулярных походов завоевателей, чувствующих себя чужими в покоренной земле, за сбором дани, право на которую базировалось исключительно на силе меча. Именно из этой концепции и исходят те представления, о которых только что шла речь.

Но в настоящее время эта концепция нас удовлетворить не может. С норманнской теорией происхождения Киевского государства покончено раз и навсегда. Можно считать незыблемо установленным, что классовые и государственные отношения у восточных славян возникли на протяжении длительного времени до эпохи Киевской Руси вследствие внутреннего развития восточнославянского общества, к IX в. завершившегося образованием Киевского государства. Общественная (феодалная) верхушка на Руси явилась продуктом не завоевания, а внутреннего расслоения древнерусского общества и состояла в основном не из пришельцев-норманнов (хотя, очевидно, были и такие), а из представителей самих древнерусских племен.

Древнерусская дань, которую эта общественная верхушка брала с рядового населения, в свою очередь возникла не в результате завоевания, а вследствие внутреннего социального развития восточнославянского общества³⁰. В этом случае рассматривать взаимоотношения молодого господствующего класса древней Руси с остальным населением как своеобразные военные походы против подданных по меньшей мере странно.

Что же такое полюдье? Это слово появилось в древней Руси в XII в. и употреблялось в двояком смысле, обозначая, во-первых, один из видов налогов, шедших в пользу великого князя (судя по смыслу слова, нечто вроде подушного), а во-вторых, судебно-административные поездки князей (и не только князей, а феодальных владетелей вообще) по их владениям³¹.

Необходимо прежде всего подчеркнуть, что в древнерусских источниках слово „полюдье“ нигде и никогда не употребляется в том смысле, в котором оно получило столь широкое распространение в нашей историографии, т. е. как регулярный объезд князьями русских земель с целью сбора дани. Правда, при описании полюдья в таком смысле обычно принято ссылаться на летописный рассказ о походе Игоря Рюриковича в деревскую землю за данью в 945 г., закончившийся, как известно, восстанием и смертью киевского князя. Однако эта ссылка совершенно несостоятельна, ибо поход Игоря за данью отнюдь не был рядовым явлением. Напротив, летопись говорит о нем как о событии исключительном, связанным с совершенно определенными событиями. Вспомним суть этих событий: в 942 г. Игорь отдал деревскую волость в дань (т. е. в лен) воеводе Свенельду, а через три года, повинувшись настойчивым требованиям своей дружины, решил отнять ее обратно, чем и был вызван фатальный поход, стоивший ему жизни³². Это была отнюдь не простая экспедиция за сбором дани, а сложное столкновение, в котором принимали участие самые различные социальные силы (великий князь и его дружина, Свенельд со

³⁰ В. Й. Довженок. Про дофеодалний період в історії Русі. „Археологія“, т. VI, 1952, стор. 9—32.

³¹ И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1902, стб. 1153.

³² „Повесть временных лет“, т. I. М.—Л., 1950, стр. 39—40; Новгородская 1-я летопись. М.—Л., 1950, стр. 110.

своими приближенными, древлянский князь Мал и феодальная верхушка древлянского общества, наконец, самые широкие слои древлянского населения, обязанного данью). Но, главное, ни в одном из источников этот поход не назван полюдьем; никаких признаков этого термина в источниках не содержится, и, следовательно, к реальному историческому полюдью, о котором имеются данные в древнерусских документах, авантюра Игоря никакого отношения не имеет.

Иногда полюдьем считают также сбор дани на Белозере, который якобы производил в 1071 г. Ян Вышатич, когда там вспыхнуло народное восстание, известное как движение волхвов³³. Однако и эта ссылка на источник явно несостоятельна, ибо летописный текст и в данном месте не содержит никаких намеков на пресловутые „круговые объезды“ в связи со сбором дани или на что-либо подобное. Речь здесь идет лишь об отдаче Святославом Ярославичем (князем черниговским) белозерской дани Яну Вышатичу — скорее всего, на ленных правах. При этом слово „полюдье“ отсутствует и в данном летописном тексте, так что — независимо от того, чем был занят Ян Вышатич в 1071 г., — считать, что в это время он пребывал на полюдье, нет абсолютно никаких оснований.

Можно встретить в литературе ссылку еще на один источник — скандинавский, который якобы также трактует полюдье как специфический метод сбора дани³⁴. Это рассказ автора XIII в. Снорри Стурлуссона о том, каким образом разбогател Гаральд Сигурдссон, будущий король Норвегии: „Var zát svá mikít fé at engi maðr norðr í lond hafði set slíkt í eins manz eign. Haraldr hafði zri svar komit í pólu-tasvarf, meðan hann var í Miklagarði. Þat ern zær log, at hvert sinn er Grikkjakonungr deyr, zá skulu Vaeringjar hafa pólu-tasvarf; zæir skulu zá ganga um allar pólu-tir konungs, zær sem féhinzlur hans eru, ok skal hverr zá eignask at frjálu, er honðum kómrá“³⁵.

Нетрудно, однако, заметить, что в действительности это сообщение не имеет к полюдью и вообще к Руси никакого отношения и что требуется сильная натяжка, чтобы усмотреть здесь намек на древнерусское слово „полюдье“.

Во-первых, pólu-tasvarf, в которых принимал участие Гаральд, имели место не на Руси, а в Константинополе; следовательно, если даже и видеть здесь русское слово „полюдье“ (что очень сомнительно, так как в этом же тексте слово pólu-tir — множ. ч. от pólu-t — обозначает императорские дворцы или замки³⁶), то во всяком случае применено оно в отношении явления, не имеющего никакого отношения к русской действительности начала XI в. Утверждение А. Стендера-Петерсена, что три свои pólu-tasvarf Гаральд получил во время пребывания при дворе Ярослава Мудрого в Киеве³⁷, представляет собою не более чем домысел и находится в вопиющем противоречии с текстом саги.

³³ „Повесть временных лет“, т. 1, стр. 117.

³⁴ F. Dölger, A. M. Schneider. Byzanz. Bern, 1952, S. 80.

³⁵ „Было так много богатства, что в северных странах никто еще не видел чего-либо подобного во владении одного лица. Гаральд трижды участвовал в pólu-tasvarf, когда он пребывал в Константинополе. Там есть закон, что каждый раз, когда умирает император, варяги получают право на pólu-tasvarf; тогда они расходятся по всем дворцам (pólu-tir) императора, где хранятся его сокровища, и каждый из них может свободно взять столько, сколько он может унести в своих руках“. Heimskringla, Haraldarsaga harðrada, ch. 16.

³⁶ Здесь мы вновь сталкиваемся с той же альтернативой: „полюдье“ — „городки“ (замки или дворцы). Само собою напрашивается предположение, не имеет ли место в тексте Снорри транскрипция того же греческого слова πόλις — πολείδιον — πολείδια?

³⁷ A. Stender-Petersen. Études varegues. I. Le mot varegue pólu-tasvarf. „Classica et mediaevalia“, vol. III, 1940, p. 1—9.

Далее, сам характер явления, как оно описано у Снорри, по существу не имеет ничего общего с древнерусским „полюдьем“, воссоздаваемым на основании текста Константина Багрянородного.

Наконец, против рассматриваемого предположения говорит хронология событий: Гаральд бывал в Киеве в период правления Ярослава Мудрого. Это — время пространной „Русской Правды“. Если можно спорить относительно того, существовало ли на Руси полюдь (в смысле „круговых объездов“ за данью) в X в., то метод сбора дани в XI в. достаточно хорошо „освещен источниками (вплоть до размеров содержания чиновников, которые им занимались³⁸), так что здесь уже ни для какой дискуссии места не остается.

Важно, что термин „полюдь“ в древнерусских источниках появляется не ранее XII в., почему отнесение его к явлениям X в., которые мог иметь в виду Константин Багрянородный, является сугубо гипотетическим. Конечно, памятников древнерусской письменности, сохранившихся непосредственно от XI в. (не говоря уже о еще более древнем периоде), мы почти не имеем. Однако большое количество документов от XI и даже X в. сохранилось в автографах более позднего времени (например, договоры X в., „Устав Владимира“, „Русская Правда“, ранние летописи, вошедшие в состав более поздних сводов, и т. д.). Кроме того, многие документы позже XI в. содержат массу сведений, касающихся XI в. и более ранних периодов. Однако слово „полюдь“ нигде и ни разу не применено в отношении событий или явлений X—XI вв. Вряд ли можно счесть это обстоятельство случайным: ведь гипотеза о том, что данное слово могло стать известным в Византии X в. и достичь ушей императора, который сам на Руси никогда не был, необходимо предполагает чрезвычайно широкое употребление этого слова на его родине.

Наконец, называя в XII в. полюдьем административно-судебные поездки князей по местам, источники ничего не говорят об их регулярности.

Таким образом, толкование рассматриваемого отрывка из Константина Багрянородного как описание полюдья вызывает при сравнении с фактическим историческим материалом ряд трудностей. Если встать на ту точку зрения, что Константин Багрянородный дал в греческой транскрипции русское слово „полюдь“, пришлось бы признать, что греческий император употребил в X в. русское слово, которое на Руси появляется не ранее XII в., причем в таком смысле, в каком оно в древнерусских источниках никогда не употреблялось.

Но, главное, весь рассказ Константина Багрянородного при подобном истолковании лишается всякого смысла: получается, что русские князья с ноября по апрель, т. е. шесть месяцев (зимой!), во главе всей Руси совершали путешествие по землям подвластных им племен. Под Русью в данном случае приходится разумеать правящий слой древнерусского общества, его социальную верхушку. В последнее время вопрос о Руси как социальной категории старательно обходится, однако отмахнуться от этого вопроса вряд ли возможно. Употребление данного слова именно в таком значении фиксируется и в русских источниках³⁹; что же касается рассматриваемого места у Константина Багрянородного, то всякая попытка разумеать Русь в этническом смысле неизбежно приведет к полнейшей нелепице либо (что еще хуже) к реставрации давно отвергнутой наукой концепции неславянского (т. е. норманского) происхождения Руси.

³⁸ „Русская Правда“, кратк. ред., ст. 42; простр. ред., ст. 9.

³⁹ См., например, ст. 1 „Русской Правды“.

Так или иначе, в разбираемом нами случае Русь — это общественная верхушка, окружавшая русского князя. Если же встать на ту точку зрения, что Константин Багрянородный говорит о полюдье как о „круговых объездах“ с целью сбора дани, пришлось бы признать, что эти „путешествия“ совершались всем правящим классом древней Руси совокупно с князем во главе. Возникает вопрос, что же происходило, например, в земле древлян в то время, когда правящий класс древней Руси *in corpore* занимался ограблением северян, дреговичей или какого-либо другого племени? И вообще, можно ли думать, что князья вместе со всем феодальным классом на протяжении целой зимы, в условиях сурового климата Восточной Европы странствовали по всей стране, отказавшись от элементарных удобств оседлой жизни⁴⁰?

Таким образом, учитывая реальные особенности социального строя древней Руси, нетрудно понять всю неправдоподобность представления о пресловутых *circulationes* великого князя во главе всей общественной верхушки. Неудивительно, что „окончательно“ разрешенный в 1873 г. Н. А. Лавровским вопрос продолжал разрешаться и позже, а „окончательно“ доказанный тезис о полюдье продолжал „доказываться“ вновь и вновь.

Совершенно иное историческое значение имеет гипотеза, по которой слово *πολύδια* толкуется в смысле „городки“. В этом отношении большой интерес представляет предположение Л. Нидерле, отождествившего *γύρα* с древнерусскими городищами⁴¹. Конечно, если признать, что *πολύδια* означает „городки“, то такими городками могут быть лишь широко известные славянские городища, составляющие характерную черту славянской археологической культуры эпохи раннего средневековья.

Н. Попов, повторивший гипотезу К. А. Неволина, истолковывающую слово *γύρα* как „круговые объезды“, аргументировал свою трактовку, в частности, тем, что „неправдоподобно, чтобы Русь начала X века имела много городов и о них знал Константин Багрянородный, когда русская летопись за означенный период называет их весьма немногo“⁴².

Однако наличие на Руси X в. огромного количества укрепленных поселков-городищ в настоящее время не подвергается сомнению: именно в X в. вся территория Руси сплошь покрывается подобного рода сооруженийами. Достаточно вспомнить цифры, называемые Баварским Анонимом в связи с исчислением городов на Руси X в.⁴³ Именно обилие городов имели в виду норманны, называя Русь Гардарики („Страна городов“).

Естественно, летопись называет только наиболее значительные городские центры — Киев, Чернигов, Переяславль, Любеч, Смоленск и некоторые другие, которые играли особо выдающуюся роль в истории Руси и с которыми были связаны те или иные крупные исторические события. Но отсюда вовсе не следует, что этими названиями исчерпывался список городищ, существовавших на Руси в ту эпоху; подавляющее большинство из них так и остались безымянными (имена их, естественно, не были известны и Константину Багрянородному).

⁴⁰ Этот момент совершенно справедливо подчеркивал Л. Нидерле (op. cit., str. 97): „По смыслу всего сообщения оба слова (*πολύδια* и *γύρα*), очевидно, должны относиться к местам, удобным для зимнего обитания, где все руссы могли жить под хорошей крышей и в тепле на протяжении всей зимы, ибо только в апреле они возвращались в Киев“.

⁴¹ L. Niederle. Op. cit., str. 979—980.

⁴² Н. Попов. Ук. соч., стр. 92.

⁴³ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1954, стр. 9 сл.

Но что же собою представляли эти городища и почему весь правящий класс Руси уезжал в них на зиму? До тех пор, пока их считали то святыщами⁴⁴, то родовыми поселками⁴⁵, то убежищами на случай военной опасности⁴⁶, то городами в современном смысле слова (ремесленно-торговыми центрами)⁴⁷, данное сообщение Константина Багрянородного не могло получить своего правильного истолкования. В связи с этим исследователи либо возвращались к гипотезе относительно объезда „городов“ с целью сбора дани, либо же ограничивались недоуменным вопросом: „Непонятно, однако, почему эти более мелкие укрепления (городища. — М. Б.) являлись такими теплыми зимними квартирами, в которые перебирались руссы на зиму“⁴⁸.

К счастью, в последнее время вопрос о древнерусских городищах, наконец, стал проясняться. В результате работы многих советских ученых⁴⁹ можно считать установленным, что древнерусские городища, начавшие возникать еще в VIII—IX вв., являлись самыми обыкновенными феодальными замками и служили своего рода орудием господства феодалов над подвластным им населением.

Важно отметить, что в Среднем Поднепровье (как и в соседних районах — в Поднестровье, Побужье и др.) в первой половине и середине I тыс. н. э. существовали исключительно открытые, ничем не защищенные поселения. Городища-замки начали возникать не раньше VIII—IX вв.; наиболее древним из известных нам городищ этого типа может считаться Киевское⁵⁰, возникшее, по-видимому, еще в VII в. Ко времени не позже IX в. относится возникновение еще ряда городищ (в Искоростене, Городске, Луцке, Плиснеске и т. д.).

В середине X в., т. е. как раз в то время, к которому относится сообщение Константина Багрянородного, замки и вообще феодальные поместья отмечены уже в письменных источниках. В частности, известны поместья, принадлежавшие Ольге, жене Игоря Рюриковича, в Вышгороде, который летопись называет „градом Ользиным“, и в Ольжичах⁵¹. Вышгородский замок подвергался археологическим раскопкам, причем данные последних подтверждают его возникновение в IX—X вв.⁵²

Под 946 г. летопись упоминает о древлянских градах. Обращаясь к древлянской знати, осажденной в Искоростене вместе с князем Малом, Ольга заявляла: „Чего хотите доседети? А вси гради ваши пре-

⁴⁴ А. Доленга-Ходаковский высказывал эту точку зрения еще в самом начале XIX в. См. М. Пог о д и н. Историческая система Ходаковского. „Русский Исторический Сборник“, т. I, кн. 3. М., 1837, стр. 8 сл.

⁴⁵ С. М. Соловьев. Ук. соч., т. I, стр. 57—58. Эта точка зрения в различных вариантах имела широкое распространение, в частности, и в советской литературе (ср., например, „племенные города“ С. В. Юшкова).

⁴⁶ См., например, С. В. Киселев. Поселения. „Труды секции теории и методологии Института археологии и искусствознания РАНИОН“, вып. II. М., 1928, стр. 61—62.

⁴⁷ В. О. Ключевский. Ук. соч., т. I, стр. 148—150; Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, стр. 233.

⁴⁸ „Известия византийских писателей о Северном причерноморье“. „Известия ГАИМК“, вып. 91. М.—Л., 1934, стр. 58.

⁴⁹ С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939, стр. 134 сл.; В. А. Богусевич. Похождения и характер древнорусских мист Наддніпрянщини. „Археологія“, т. V, 1951, стор. 34—49; М. Ю. Брайчевский. К происхождению древнерусских городов. КСИИМК, вып. ХLI. М., 1951, стр. 32—33; П. Н. Третьяков. Древлянские грады. Сб. „Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия“. М., 1952, стр. 64—68; В. Й. Довженок. Феодальный маеток в эпоху Київської Русі в світлі археологічних даних. „Археологія“, т. VIII. Київ, 1953, стор. 10—27. См. также Б. Д. Греков. Киевская Русь. Госполитиздат, 1953, стр. 96—110.

⁵⁰ М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1959, стр. 98—112.

⁵¹ „Повесть временных лет“, т. I, стр. 43.

⁵² В. Й. Довженок. Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934—1937 рр. „Археологія“, т. I, 1950, стор. 68.

дашася мне, и ялися по дань, и делают нивы своя и земле своя; а вы хотите изъмерети гладом, не имучеся по дань"⁵³. Ясно, что эти передавшиеся Ольге грады, население которых, занятое обработкой своих полей и нив, вынуждено было платить дань киевской княгине, а не своей древлянской знати (которой и стал в связи с этим угрожать голод), могли быть только феодальными замками, центрами феодальных владений и хозяйств. В свете сказанного легко объяснить и описываемое Константином Багрянородным явление. Князья „со всей Русью“, конечно, не совершали никаких „круговых объездов“, а попросту разъезжались в подвластные им земли, где имелись принадлежащие им замки, в которых они, естественно, проводили зиму.

Такое понимание рассматриваемого отрывка, кажется, действительно устраняет все несообразности. Прежде всего оно абсолютно точно соответствует тексту источника, не требуя никаких поправок. Но, кроме того (и это главное), совершенно понятным становится смысл фразы — как ее начальной части, содержащей оба неясных слова, так и последующей, где речь идет о проведении зимы („кормлении“) в землях подвластных Руси (или платящих Руси дань) славян — древлян, дреговичей, кривичей, северян и т. д.

Совершенно очевидно, что здесь речь идет о феодально-зависимых крестьянах, обязанных платить дань (феодальную ренту) Руси (т. е. представителям феодальной верхушки — собственникам тех городов-замков, в которые эта верхушка разъезжалась).

Важно отметить, что некоторые упоминания об аналогичном явлении имеются и в древнерусских летописях, на что давно уже обращалось внимание⁵⁴. Например, под 1096 г. мы находим известие о том, что князь Мстислав Владимирович распустил дружину на покорм по селам⁵⁵. В 1018 г. польский князь Болеслав Храбрый, захватив Киев, велел развести свою дружину по окрестным городам на кормление⁵⁶, т. е. предоставил некоторые русские владения с правом их эксплуатации своим ближайшим дружинникам. Нечто подобное совершил и другой польский князь, Болеслав Смелый, в 1069 г., заняв Киев после известного восстания⁵⁷, и т. д.

Итак, социальная картина древней Руси, отраженная Константином Багрянородным, меняется самым решительным образом. Исчезают пресловутые ежегодные походы киевских князей совокупно со всем правящим классом против своих подданных за данью. Вместе с этим исчезает и картина дикой, неустроенной Руси, в которой общественная верхушка чувствует себя на положении завоевателей в покоренной стране. Вместо этого вырисовывается Русь феодальная, основанная пусть на примитивной, но уже достаточно ясно выраженной феодальной системе хозяйства. Господствующий класс Руси из грабителей и завоевателей превращается в феодалов, имеющих свои замки как опорные пункты для осуществления феодальной эксплуатации, в которых они проводят зиму, занимаясь хозяйственными и административными делами.

Эта картина находится в полном соответствии со всей совокупностью прочих данных, свидетельствующих, что Русь X в. была государством феодальным, возникшим в результате социально-экономического развития тех племен, которые выступили его создателями.

⁵³ „Повесть временных лет“, т. 1, стр. 42.

⁵⁴ П. Г. Бутков. Оборона Летописи Русской Несторовой от навета скептиков. СПб., 1840, стр. 26—27.

⁵⁵ „Повесть временных лет“, т. 1, стр. 169.

⁵⁶ Там же, стр. 97.

⁵⁷ Там же, стр. 116.